

И. В. Лопухова

**НЕОГРАНИЧЕННЫЕ МОНАРХИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА:
ВОСТОЧНАЯ ДЕСПОТИЯ ИЛИ ВОСТОЧНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ?**

*Работа представлена кафедрой теории и истории права и государства
Северо-Западной академии государственной службы.*

*Научный руководитель - доктор юридических наук, доктор исторических наук,
профессор А. Ю. Пиджаков*

В статье рассматриваются проблемы периодизации исторических этапов в развитии государственности на Востоке. Дается характеристика культурно-исторических и социально-экономических особенностей Арабского халифата и Османской империи - основных исторических типов восточной монархии, существовавших в средние века.

The article deals with the problems of periodization of the historical stages in the statehood development in the East. The author describes cultural, historical, social and economic peculiarities of the Arab Caliphate and the Osman Empire - the main historical types of the Eastern monarchy, which existed in the Middle Ages.

В отечественной историографии до сих пор остается спорным вопрос, возможно ли общественный строй средневековой Азии и Северной Африки назвать «восточным феодализмом», т. е. строем, более или менее соответствующим феодальной эпохе в Западной Европе, но имеющим ряд особенностей.

По мнению ряда авторов¹, Восток демонстрировал большую близость к западноевропейской модели феодализма. «"Феодальность" восточных обществ была даже выше чем обществ западных. Так, если для феодализма характерно сочетание частновладельческих и государственных прав на землю, то на Востоке эта сращенность особенно заметна... Если для феодализма характерна значительная натуральность хозяйства, то именно на Востоке хозяйственная замкнутость общины наиболее выражена... К Востоку не в меньшей, если не в большей степени можно отнести большинство характеристик, прилагаемых обычно к феодализму»². Но при этом не отрицался тот факт, что большинство восточных государств указанного исторического периода отстают в своем

развитии от феодальной Европы на 200-300 лет (а по мнению некоторых ученых - на 800 лет и более)³.

Однако существует и иная точка зрения на историческое развитие восточных обществ. Так, известный российский востоковед Л. С. Васильев, не отрицая «генетически-структурной близости» между раннеевропейским феодализмом и традиционным Востоком, все же видит принципиальные отличия между ними⁴.

Отмечая неправомерность употребления термина «феодализм» применительно к средневековому Востоку, Л. С. Васильев подчеркивает, что данный термин не только в марксистской, но и в мировой историографии употребляется очень часто и в весьма расширительном смысле. Словом «феодализм» обычно именуют не только периоды политической раздробленности, но вообще весь докапиталистический этап истории. «Но в том-то и дело, что это отождествление приемлемо и не вызывает споров лишь немарксистской историографии, где не существует понятия "феодализм" в качестве формации, - пишет автор. - И совсем иначе обстоит дело в мар-

ксистской историографии, где слово "феодализм" преимущественно используется в смысле формации»⁵.

Таким образом, по мнению Л. С. Васильева, происходит незаметная подмена понятий, т. е. одним и тем же словом именуется различные системы отношений. Не европейский феодализм как система феодалов сопоставляется с неевропейскими периодами политической раздробленности, а европейское феодальное средневековье воспринимается как формация в качестве образца для конструирования средневекового восточного феодализма как формации⁶.

Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы. В частности, И. Л. Фадеева считает, что «говорить о каком-либо тождестве или искать аналоги в формах землевладения, социальных структурах, а также иерархии средневековых обществ Европы и Востока едва ли представляется возможным. Европейский феодал не имел ни в правовом, ни в социально-политическом, а также традиционном религиозно-культурном аспектах аналога в странах Востока, где и государственный сановник, и землевладелец, и горожанин, и земледелец были иными по самой сути цивилизационного генотипа общества, к которому они принадлежали»⁷.

Учитывая все вышесказанное, Л. С. Васильев рекомендует воздерживаться от слишком частого и бездумного употребления «феодальной» терминологии, во всяком случае, когда речь идет о восточном средневековье как этапе исторического пути стран и народов Востока.

Следуя рекомендации российского востоковеда, мы, характеризуя неограниченные монархии, существовавшие на Востоке в указанный исторический период, будем пользоваться термином «средневековые». Однако и здесь возникает достаточно серьезный вопрос о том, что же брать в качестве критериев при выделении восточного средневековья.

Л. С. Васильев, пытаясь решить данную проблему, справедливо отмечает, что

«единственная структурная ломка, которую пока что пережил Восток, а вместе с ним и весь вообще неевропейский мир, - это переход от традиционной структуры к колониальной или полуколониальной (зависимой), трансформирующейся в сторону капитализма»⁸.

Отсюда следует вывод, что древность и средневековье для Востока были периодами существования в рамках одной и той же традиционной структуры. Но если между древностью и средневековьем нет структурной грани - подобно той, что была в истории Европы, - то какую грань следует брать за основу при периодизации исторических этапов? Отвечая на данный вопрос, Л. С. Васильев предлагает принять некую условную хронологическую грань, датируемую примерно V в. н. э., за начало средневекового периода, при этом ни в коем случае не отождествляя ее с началом феодализма.

Государства, наиболее ярко характеризующие восточное общество в указанный исторический период - Арабский халифат и Османская империя, - представляют несомненный интерес с точки зрения эволюции исторических типов неограниченной монархии.

Арабский халифат как гигантская империя, объединившая различные по уровню развития, не говоря уже о языках и культуре, страны и народы, просуществовал почти шесть веков. И хотя почти половина этого срока пришлось на период политической раздробленности, полицентризма и внутренних междоусобных войн, следует отметить определенную стабильность структуры в целом, особенно по сравнению с предшествовавшими халифату великими империями древности.

Есть основания полагать, что едва ли не решающую роль при этом сыграл именно ислам, причем не только как религия, но и как весь санкционированный ею образ жизни, включая экономический строй, социальные, политические и правовые институты, традиции культуры и быта.

По мнению И. Л. Фадеевой, ислам распространился в обширных регионах Азии и Африки не только вследствие стремительных успешных завоеваний арабов. Принявшие его народы имели весьма сходный с арабами тип общественных отношений, в которых преобладали племенные структуры и патриархальная психология. Эта религия оказалась вполне адекватной цивилизационному генотипу этих обществ⁹.

Необходимо отметить, что важнейшей особенностью халифата и вообще всех исламских стран вплоть до наших дней является неотъемлемая слитность религии и политики. Ислам никогда не был отделенной от государства и тем более противостоявшей ему церковью. Напротив, ислам был «идейно-институциональной сутью государства»¹⁰, и это тоже в немалой степени способствовало усилению власти халифов.

Таким образом, именно исламская государственность сыграла решающую роль в объединении «конгломерата стран и народов в нечто монолитное, цельное, внутренне спаянное и цивилизационно единое». Даже несмотря на то, что арабский халифат-оказался не слишком жизнеспособным, исламская государственность устояла и сохранилась на территории халифата, за редкими исключениями, дожив вплоть до наших дней. К тому же ислам в силу своей внутренней установки на непримиримость к инаковерию и воинственность на протяжении всей второй половины средневековья продолжал расширять сферы своего влияния. Наконец, ислам в конце средних веков сумел вновь создать сильную империю (Османскую), которая вернула под свой контроль почти все земли халифата и в глазах просвещенных европейцев VIII-XIX вв. стала своего рода эталоном классической восточной деспотии.

Включение арабских стран в состав Османской империи не было завоеванием в

классическом смысле этого слова. Скорее это была смена власти, связанная со стремлением к социальному обновлению.

Н. А. Иванов отмечает, что в конце XV - начале XVI в. великие державы мусульманского средневековья находились в состоянии глубокого внутреннего разложения. В этих условиях призыв к переустройству общества, социальные идеалы османской утопии проложили дорогу османскому оружию и открыли перед арабами иллюзорную перспективу установления царства божия на земле.

Необходимо отметить, что, войдя в состав Османской империи, арабы не чувствовали себя на положении бесправных и угнетенных народов. Вплоть до второй половины XIX в. они не воспринимали османское завоевание как чужеземное порабощение. По словам Н. А. Иванова, «перейдя под власть Порты, арабы действительно не испытывали на себе национального гнета. Не было ничего, что давало бы основание говорить о начавшемся процессе "отуречивания" арабских стран, о подавлении арабского языка и культуры, о навязывании арабам чуждых им обычаев и традиций»¹².

На наш взгляд, это объясняется прежде всего тем, что в Османской империи XV-XVI вв. вообще не было господствующей национальности, османское общество и государство имели космополитический характер. Ни одна народность здесь не имела каких-либо преимуществ. Турки как этническая общность составляли меньшинство и ничем не выделялись среди других народностей империи, разве что более низким уровнем цивилизации.

В целом арабские страны заняли видное место в жизни Османской империи. В конце XVI в. на них приходилось 14 из 34 эялетов империи¹³ и около 60% населения, которое не мыслило себя вне шариата и исламского наследия. Вследствие этого включение арабских стран в состав Османской империи усилило ее мусульманский

характер, «придало ее общественной и государственной жизни чисто халифатический черты»¹⁴.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что завоевание арабских стран турками имело не национальный, а скорее социальный характер и привело не только к смене власти, но и к радикальным переменам во всем предшествующем укладе жизни.

Для Османской империи, как и для всякой теократии, была характерна крайняя функционализация человека. Османские сановники никогда не имели личных взглядов или концепций. Политика, государственные и социальные институты были полностью деперсонализированы и не подчинялись отдельной человеческой воле. Все это предопределяло исключительную устойчивость сложившихся отношений.

Глава государства султан - был наиболее ярким олицетворением всемогущей деспотической власти над всеми подданными империи, олицетворением той самой системы «поголовного рабства», о которой писали Гегель и Маркс и парадигма которой была создана, скорее всего, с учетом европейских знаний, прежде всего именно о структуре власти Османской империи.

Следует отметить, что исторический опыт Османской империи, одной из могущественнейших держав позднего средневековья, типичен с точки зрения эволюции деспотического государства и в то же время уникален, поскольку это одна из немногих восточных империй, сохранившая формальную самостоятельность в эпоху колониальной экспансии европейских держав, сумевшая в известной мере приспособиться к новым условиям и окончательно распавшаяся лишь в годы Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Востока. М., 1999. Т. II.

² История Востока. М., 1999. Т. III. С. 9.

³ Павлов В. И. К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время / В кн. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 173-329.

⁴ Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 248-252.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же.

⁷ Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 2001.

С. 52.

^к Там же. С. 254.

^л Там же. С. 40.

^м Там же. С. 22.

¹¹ Васильев Л. С. Указ. соч. Т. 1. С. 495.

¹² Иванов Н. А. Османское завоевание Арабских стран. М., 1984. С. 204.

¹³ Тверитинова А. С. Аграрный строй Османской империи в XV-XVII вв.: Документы и материалы. М., 1963. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 206.